

Российская Академия Наук

**ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. В.В. Виноградова**

119019 Москва, ул. Волхонка, 18/2
Тел.: (7-495) 695-26-60 Факс: (7-495) 695-26-03
E-mail: irlras@mail.ru

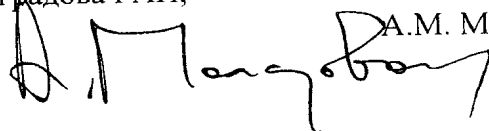
19.11.12 № 14421-0341/618

Председателю правления «Международного Мемориала»
А.Б. Рогинскому

Уважаемый Арсений Борисович!

В ответ на Ваше письмо направляем Вам лингвистическое заключение по поводу употребления и восприятия носителями современного русского языка слов *агент* и словосочетания *иностранный агент*. Лингвистическое заключение подготовлено заведующим Отделом современного русского языка нашего Института, доктором филологических наук, профессором Леонидом Петровичем Крысиным.

Директор
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
академик РАН

 А.М. Молдован.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

об употреблении в современном русском языке слова *агент* и словосочетания *иностранный агент* и их восприятии носителями русского языка

Слово *агент* заимствовано русским языком из немецкого (нем. *Agent*) и восходит к латинскому *agens (agentis)*, что буквально значит 'действующий'. В современном русском языке *агент* имеет несколько значений:

«1) лицо, уполномоченное учреждением, предприятием для выполнения деловых поручений. *Агент по снабжению. Страховой агент*; 2) человек, который действует в чьих-нибудь интересах (обычно не явно). *Агент конкурирующей фирмы*; 3) тот, кто занимается шпионажем. *Заслать куда-нибудь своего агента. Завербованный агент*» (Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов, под ред. академика Н.Ю. Шведовой. М., 2007, с. 5).

Похожие определения значений этого слова даны и в других словарях, например, в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (СПб., 1998, с. 28): «1. Представитель организации, учреждения и т.п., выполняющий служебные, деловые поручения. *Агент по снабжению. Страховой агент. Агент торговой фирмы*. 2. Лицо, являющееся ставленником кого-л., служащее чьим-л. интересам. 3. Секретный сотрудник разведки какого-л. государства; шпион».

Помимо смыслов, которые отражаются в словарях в виде только что приведенных толкований, некоторые слова в языке, в том числе и в русском, могут иметь устойчивые ассоциации с теми или иными свойствами, действиями, предметами и т.п.; эти устойчивые ассоциации называются в лингвистике коннотациями (коннотация – буквально 'со-значение', или 'сопутствующее значение'). Простейший пример коннотации: слово *осёл* в своем основном значении толкуется в словарях так: «животное семейства лошадиных, невысокого роста, с большой мордой и длинными ушами» (Толковый словарь ..., под ред. Н.Ю. Шведовой, с. 577). В русском языковом сознании, однако, название животного *осёл* имеет устойчивую ассоциацию с такими свойствами, как упрямство и тупость (обратим внимание на то обстоятельство, что в приведенном толковании слова *осёл* эти свойства не названы, но именно они явились основой для переносного значения слова *осёл*: так называют тупого и упрямого человека). Заметим, что слово *ишак*, в своем прямом значении синонимичное слову *осёл*, имеет совсем иные коннотации, а именно: 'безропотное выполнение тяжелой и неблагодарной работы' (эта коннотация легла в основу переносного значения слова *ишак* и образованного от него глагола *ишачить*).

Коннотации можно обнаружить и у других слов – обозначений животных (а также у иных разрядов слов): например, слово *свинья* ассоциируется с грязью и неблагодарностью (сравните устойчивые словосочетания типа *грязный, как свинья, вести себя по-свински* и т.п.), *лиса* – с хитростью, *заяц* – с трусостью и т.п. Еще раз подчеркнем, что в толкованиях прямых значений этих слов – то есть в описании их как представителей животного мира – свойства 'грязь', 'неблагодарность', 'хитрость', 'трусость' отсутствуют.

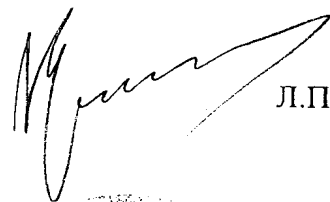
Коннотации обладают рядом важных признаков, которые отличают их от обычных лексических значений. Первый признак уже назван: сопровождая прямое значение того или иного слова, коннотация не входит непосредственно в это значение и поэтому не отражается в словарном толковании. Во-вторых, коннотации не индивидуальны – они свойственны всем (или большинству) носителей данного языка. В-третьих, на основе коннотаций возникают образные, переносные значения слова (в чём мы убедились на примере слов *осёл* и *ишак*). В-четвертых, коннотации часто национально специфичны: в одном языке то или иное слово может иметь определенные устойчивые ассоциации

(коннотации), а в другом не иметь их, или же это ассоциации с «обратным знаком»: вместо отрицательных коннотаций – положительные, и наоборот. Так, в ряде восточных языков слово, соответствующее русскому *осёл*, не ассоциируется с отрицательными свойствами тупости и упрямства; слово *вода* русскими может использоваться для обозначения бессодержательного выступления или доклада (то есть имеет отрицательную коннотацию), а французский эквивалент этого слова *eau* такой коннотацией не обладает.

Это отступление от анализа значений слова *агент* и условий употребления его в речи понадобилось для того, чтобы показать, что в некоторых своих значениях *агент* имеет устойчивые ассоциации (коннотации) с определенными свойствами и обстоятельствами. Они не отражены в словарных толкованиях слова *агент*, однако они сопутствуют его употреблению в определенных контекстах. Одним из характерных контекстов является словосочетание *иностранный агент*. Если мы вернемся к цитированным выше словарным определениям значений слова *агент*, то может показаться, что, буквально следуя каждому из определений, мы можем употребить указанное словосочетание во всех трех значениях: *иностранным* как будто можно назвать *агента* учреждения, предприятия какой-либо иной страны, чем Россия (1); представителя зарубежной фирмы (2); шпиона (3). Однако наиболее естественно для носителя русского языка осмыслить и употребить словосочетание *иностранный агент* лишь применительно ко второму и третьему значениям.

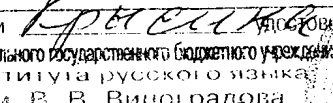
Это обусловлено не столько собственно лингвистическими характеристиками слов *иностранный* и *агент*, сколько особенностями бытования в русском обществе XX века оборота *иностранный агент*. Этот оборот многократно предьявлялся властью и следственными органами в качестве стандартного обвинения десяткам тысяч наших граждан во времена политических репрессий 30-40-х годов; этот оборот зафиксирован в обличительных речах советских прокуроров, в сотнях судебных приговоров и бессудных решений, на страницах советских газет, в разного рода литературных текстах; этот оборот въелся в сознание носителей русского языка – во всяком случае, старшего поколения нынешних людей, говорящих по-русски, – как синоним вражеского шпиона или уж во всяком случае того, кто служит чьим-либо враждебным для нас интересам. Никакие рассуждения насчет того, что *агент* – это тот, кто *действует* (в соответствии с приведенной выше этимологией), что и словосочетание *иностранный агент* вполне нейтрально и лишено какого-либо нежелательного смысла, - не могут поколебать этой устойчивой ассоциации (коннотации), сопровождающей словосочетание *иностранный агент*: ‘действующий в интересах другого и при этом враждебного государства’. Интерпретация словосочетания *иностранный агент* как нейтрального, не имеющего указанной коннотации противоречит осмыслению этого словосочетания большинством носителей современного русского языка и его использованию этим большинством в речевой практике.

Заведующий отделом современного русского языка
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
доктор филологических наук, профессор

Л.П. Крысин.

13 ноября 2012 г.

Подпись: руки удостоверение
референт Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института русского языка
им. В. В. Виноградова
Российской академии наук
"Всё Ясно" 2012